

КОНФЕРЕНЦИЯ: «МИР 2002: ВЫЗОВЫ И НАДЕЖДЫ».
Июнь 2002г., Юрмала, Латвия.

Салмин Алексей (Россия) – президент фонда «Российский общественно-политический центр»

ПРИОРИТЕТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 Г.

Многие видели по «Си-Эн-Эн», «Евроњьюс», другим телеканалам торжественно-мрачную церемонию, посвященную завершению разборки развалин на Манхеттене. Безусловно, у многих звон колокола и вся эта церемония в целом освежили в памяти трагический день 11 сентября. Но мне хотелось бы задаться вопросом, что такое этот день не как событие, произошедшее в одно время и в одном месте, а как некое явление, которое имеет протяженность во времени и распространяется пространственно?

Во-первых, разумеется, это незаурядная трагедия, которая повлияла и еще влияет на психологию и американцев, и людей во всем мире. Это событие, которое вызвало волну симпатий к Соединенным Штатам. Изменился образ США в России. В результате сегодня президент России может проводить ту политику, которую проводит. Я не думаю, что такая политика могла бы проводиться до 11 сентября.

Во-вторых, конечно, мы столкнулись с обескураживающим свидетельством неэффективности государства в борьбе с подобными покушениями на безопасность его граждан, кем бы они ни совершались.

В-третьих – входило это в планы организаторов террористического акта или нет – это событие актуализировало абстрактную концепцию конфликта цивилизаций. Актуализировало настолько, что при неблагоприятном стечении обстоятельств эта концепция даже может стать самооправдывающимся прогнозом.

Ну и, наконец – это новое событие в ряду других настораживающих событий исторического порядка. В 1945 г. в Хиросиме было продемонстрировано, что появилась и может быть использована техника, которая может уничтожить города и страны и даже в потенции все человечество. В Чернобыле мы увидели, что такая техника может выходить из-под контроля своих создателей. На Манхеттене раздался третий удар колокола, и мы поняли, что такая техника может оказаться в руках тех, у кого она не должна оказываться, негосударственных сил.

Насколько новы такие явления, как движение Талибан и другие сходные движения? Я бы не решился возводить генеалогию таких явлений к крестовым походам, но, безусловно, в истории XVIII, XIX и XX вв. мы обнаруживаем нечто подобное. Такие феномены всегда возникали на границе, образно говоря, мирового острова, т.е. государств, условно выражаясь, «вестфальской системы», то есть государств, действующих на основе принципа международного права, и остального человечества. Достаточно вспомнить бабидов в Персии, сипаев в Индии, тайпинов и ихэцюней в Китае и т. п. В каждом из них можно обнаружить очень сильную фундаменталистскую составляющую. Иногда мы об этом забываем или не задумываемся, но это действительно так. Как правило, эти движения возникали под влиянием каких-то нетрадиционных фундаменталистских сект. Я думаю – это уже призыв, обращенный к исследователям – надо было бы тщательно пересмотреть историю так называемого «национально-освободительного движения» XIX–XX вв. с этой точки зрения.

Что нового на фоне этого общего утверждения можно отметить в событиях 11 сентября? Именно техника придала весьма старому явлению новый характер. Если угодно, мы стали свидетелями второго этапа революции, которую совершил в свое время Самюэль Кольт, чье изобретение, как известно, в свое время уравнило всех в быту. В данном случае, похоже, любые государства тоже могут быть уравнилены с любыми другими государствами, а также негосударственными образованиями, с помощью техники, попадающей в руки современных террористов. Второе – я думаю, что процессы, которые обобщенно и не точно называются глобализацией – по крайней мере, в той составляющей, о которой в свое время говорил Маршалл Маклюэн – тоже создают нечто новое. Они позволяют актуализироваться неким виртуальным противостояниям, превращают их в реальные. Эти противостояния приобретают квазидоцивилизационный характер. Иными словами, возникает реальная перспектива

(хотя она не обязательно должна реализоваться) возникновения движений, организаций, которые могут противопоставить силам «мирового острова» не только силу, не только догматы своей веры, но и свой культурный идеал, свой цивилизационный пример, основанный на бескорыстии и серийной жертвенности.

Разница потенциалов между «островом» и тем, что находится за его пределами, существенно уменьшается. Я имею в виду, конечно, не экономический и не географический потенциал, а скорее культурно–демографический, если так можно выразиться. «Периферия», к примеру, все активнее присутствует в мировом информационном пространстве. Если мы сегодня говорим, что процессы глобализации делают периферию не нужной центру, то это отчасти справедливо. Дело, однако, в том, что роль сферы приложения инвестиций и роль источника адреналина для мировой аудитории – это существенно разные роли, но обе они важны. Наконец, повторяю, мы видим, что периферия обзавелась оружием массового поражения, причем не только ядерным. Гораздо более широкий круг стран сегодня может производить или уже производит бактериологическое и химическое оружие. Причем они могут претендовать на нанесение неприемлемого ущерба традиционным государствам – лидерам. Между тем психологическая планка этого ущерба снижается. Конечно, драма преследования и ловли Усамы бен Ладана производит сильное впечатление, но, к сожалению, у нее пока нет финала и нет катарсиса. Если это победа, то как бы выглядело поражение, если это неудача, то как должен выглядеть успех? С кем бороться дальше, как бороться, будет ли это борьба с террористами, терроризмом или с силами, генерирующими и поддерживающими терроризм? Все это открытые вопросы, на которые ни у кого пока еще нет ответов.

Несколько слов о роли государства в новой ситуации, а также о политических структурах, которые способны противостоять этой угрозе. Да, сегодня у большинства государств мира появился уникальный в силу своей пугающей «неопознанности» противник, с которым могло бы сравниться разве что вторжение инопланетян. И это позволило значительной части мира, пока в основном психологически, но также отчасти и практически, объединиться в готовности бороться с этим противником. Когда мы говорим об организационной перспективе этой борьбы, то надо отдавать себе отчет в том, что это едва ли коалиция. Коалиция – конкретное и временное явление. Если главная задача, которая стоит перед сегодняшней так называемой коалицией – борьба с Талибаном – будет выполнена, то смысла в ней, наверное, уже дальше не будет. Альянс ли это? Многие рассматривают перспективу создания альянса. Дело, однако, в том, что борьба с терроризмом охватывает практически всех. Такой союз не может быть исключительным, не может быть альянсом по определению. Реально его можно представить себе как некую сеть, может быть – как некий антитеррористический «Интерпол» или как систему организаций. Неотразимому обаянию такого Интерпола действительно трудно кому-нибудь сопротивляться, следовательно, открытость – это условие такого союза, что ставит под сомнение многие стереотипы.

Что можно в этой ситуации рекомендовать властям разных государств, в первую очередь – российским. Я думаю, что необходимо установить для себя некую систему норм, причем, скорее, в смысле системы ограничений, чем системы правил, потому что о правилах говорить пока что рано. И здесь я думаю, важны три ограничения. Во-первых, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах офицеры и солдаты, которые носят национальные мундиры, не должны сдаваться в аренду. Это не абстракция. Сегодня в целом ряде стран Третьего мира всерьез обсуждается под разными более или менее приличными названиями формула – «ваши деньги – наша кровь». В данном случае, возможно, концепция национальных интересов требует расширения, но все-таки эта концепция должна сохраняться. Во-вторых, очевидно, не следует немотивированно жертвовать сложившимися системами союзов и обязательств. Слишком быстрые повороты в этом случае могут привести к «оверкилю». И, наконец, необходимо очень точно определить ту грань, которая отделяет борьбу с терроризмом, который использует темы исламской культуры, от борьбы с исламским фундаментализмом, не говоря уже о борьбе с теми народами, которые исповедуют ислам. У меня нет полной уверенности, что сегодня такая грань проведена точно.

И самое последнее. О роли государства. Сегодня, когда мы говорим о глобализации и об угрозах, связанных с нею, мы очень часто склонны преуменьшать роль государства. На самом деле, как мне кажется, здесь можно привести аналогию с семьей. Государство и семья – это действительно два изоморфных образования. Очень часто

для объяснения того, что происходит с одним, используется образ другого и наоборот. Так вот, семье тоже брошен вызов в современном мире. Но это говорит только об одном – о том, что в современном мире сейчас намного сложнее, чем раньше, сохранить семью. И, видимо, то же самое относится и к государству. Я бы не стал слишком поспешно отказываться от концепции государства – как национального государства, так и государства вообще. Тем более: кто сказал, что национальное государство – это последняя стадия государства. Это утверждение столь же правильно, как и то, что коммунизм – это последняя стадия развития человечества. Часто повторяют, что мы реально вступили в XXI век 11 сентября 2001 г. По-моему, однако, 11 сентября 2001 г. этот век начался только символически. Реально, исторически, если угодно – как новая парадигма – он начнется только тогда, когда мы осмыслим новые проблемы в их совокупности, и будем пытаться создавать структуры, которые будут способны ответить на новые вызовы.